

**ПАРЦИАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ГУННО-САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ НА НЕКРОПОЛЕ СТЕПУШКА-2***

«Нестандартное» парциальное погребение исследовано в Центральном Алтае осенью 2010 г. на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2. По элементам погребального обряда и предметам инвентаря могильник датируется 2-й половиной III – 1-й половиной IV в. н.э. Публикуемый курган содержал в небольшой яме часть женского костяка с нарушенной анатомической целостностью. Возраст погребенной – 14–16 лет. Длина ямы явно не соответствовала предполагаемой длине тела человека, а у скелета отсутствовали многие кости. Авторы статьи предлагают несколько вариантов объяснения необычного погребения, основным из которых является особый вид ритуала обезвреживания умершей из-за сильного страха перед ней.

Ключевые слова: Алтай, археология, гунно-сарматское время, некрополь, Степушка-2, парциальное погребение.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-02

Существующая сегодня общественная практика преднамеренного погребения умерших людей началась еще в среднем палеолите [Смирнов, 1997, с. 11]. Обряд погребения отражал стремление удалить покойника из этого мира и обезвредить его, а также желание обеспечить благополучный переход умершего в иной (потусторонний) мир. За прошедшие с того времени тысячелетия на Земле появилось огромное количество погребальных памятников разных культур и народов. Несмотря на то, что они являются всего лишь конечным результатом комплекса целенаправленных погребальных действий, зафиксированных археологами при раскопках, это ценный источник для решения многих важных научных проблем древней и средневековой истории.

Погребальные памятники сегодня являются самым репрезентативным источником по исследованию многих исторических периодов как Алтая, так и всего региона Южной Сибири и Центральной Азии. Круг научных вопросов, изучаемых по погребениям, очень широк. Он охватывает практически всю сферу человека, начиная от изучения физической антропологии древнейших видов человека и до религиозно-мифологических представлений разных обществ, оставивших памятники. При изучении остатков древних погребений открываются возможности исследования хозяйства конкретного коллектива, денежного обращения, торговли, строительного дела, социальных особенностей, искусства, миграций, природной среды и целого ряда других проблем [Авдусин, 1980, с. 51–52].

При исследовании погребений разных культур и народов ученые в первую очередь обращают внимание на рассмотрение стандартных, сходных между собой погребальных памятников для того, чтобы сделать реконструкцию традиционного для того или иного народа или археологической культуры погребального обряда. Типологические построения по данным погребальных памятников дают возможность относительной датировки объектов, культурного разграничения памятников и фиксации

* Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№14-11-04002a(p)) и госзадания Минобрнауки России «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536).

инноваций в обрядах, реконструкции основных элементов погребальных действий и т.д. «Нестандартные» виды древних и средневековых погребений не всегда привлекают внимание исследователей из-за трудности их выявления и интерпретации. Часто такие погребения в силу своей редкости совсем не используются в анализе и систематизациях или же только упоминаются в работах, что не способствует их детальному изучению. Между тем тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям. Естественно, нельзя сказать, что «нестандартные» погребения совсем не изучаются. В последние десятилетия появились серьезные работы, посвященные анализу «особых», или «экстраординарных», видов погребений в Западной Сибири, а также методике их выявления и вопросам интерпретации [Зайцева, 2005].

Погребения с нарушенной анатомической целостностью скелета довольно широко распространены во времени и в пространстве. Это парциальные, расчлененные и вторичные погребения. Не всегда можно понять причины нарушения анатомического порядка человеческого костяка, основываясь на изучении погребального памятника, поврежденного многовековым процессом естественного разрушения. Кроме специальных посмертных манипуляций с телом в ритуальных целях, нарушения костяка бывают следствием природных процессов и деятельности животных, а также людей, которые могут непредумышленно нарушить целостность останков похороненного человека в процессе своей хозяйственной или иной деятельности. В каких-то случаях неполный набор костей или отсутствие анатомического порядка являются следствием не посмертного воздействия вышеперечисленных эпизодов, а отражением причины самой смерти, например, в ходе умышленного убийства или военных действий.

В связи с вышеизложенным представляет научный интерес случай необычного парциального погребения, зафиксированный в кургане, вскрытом в процессе археологических раскопок 2010 г. на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2, находившемся в Центральном Алтае. Могильник территориально был приурочен к Урсульской межгорной котловине, которая ограничена с северо-западной стороны Семинским хребтом, с юго-западной – Теректинским и с северо-восточной – Куминским [Атлас..., 1991]. Памятник располагался на высоком правом берегу реки Урсул, в 5 км выше места ее впадения в Катунь, в черте бывшего села Степушка, в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 1.-1, 2) [Соенов, 2011, л. 20–21]. С востока, юга и запада участок окружен горами, с севера ограничен рекой. Могильник Степушка-2 находился на западной половине мысовой террасы, которая попала под дорожное строительство (рис. 1.-3). Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушка-I, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета. Позднее мыс был полностью снесен при возведении моста и участка подъездной автодороги. Результаты исследований могильников Степушка-I и II пока полностью не опубликованы. Имеются только краткие сообщения и статьи, посвященные отдельным комплексам [Соенов, 2010, с. 3–6; Соенов, Трифанова, 2011, с. 122–125; 2014а, с. 99–101; 2014б, с. 95–97; 2014в, с. 61–73; 2014г, р. 470–475; Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011, с. 92–98; Тишкин, Матренин, 2012, с. 30–31; 2013а, с. 204–213; 2013б, с. 147–153; 2013в, с. 59–71; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 420–431; 2013, с. 258–279; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014, с. 15–26; и др.].

1

2

3

Рис. 1. Местонахождение могильника Степушка-2

В процессе аварийных работ на некрополе Степушка-2 раскопаны 64 объекта: 37 каменных курганов и колец с погребениями, а также 27 каменных колец и выкладок без погребений. Умершие были положены головой преимущественно в северо-восточный сектор. Из предметов сопроводительного инвентаря найдены предметы вооружения и их детали (костяные и железные наконечники стрел; железные кинжалы; костяные накладки луков и т.д.), украшения и предметы туалета (стеклянные, костяные и каменные бусины; железная диадема; бронзовые бляшки; фрагмент бронзового зеркала; подвески из зубов и кости и т.д.), детали снаряжения коня (железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями; костяные цурки; подпружные пряжки и т.д.), орудия труда (железные ножи; обломки каменных жерновов и т.д.) [Соенов, 2011, л. 26–67]. Раскопанные погребения могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и предварительно датированы первыми веками н.э. [Соенов, 2010, с. 3–6; Соенов, Трифанова, 2011, с. 122–125]. Анализ отдельных предметов инвентаря и их взаимовстречаемости позволяет уточнить хронологическую принадлежность некрополя в пределах 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э.

Объект №36, в котором обнаружено необычное парциальное погребение, представлял собой небольшой курган с насыпью размерами 2 x 1,2 м, сложенной преимущественно из рваного камня. Насыпь имела вытянуто-овальную в плане форму, длиной осью она ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 2; 4; 5). Курган находился в южной части могильника, в юго-восточном секторе квадрата Ж3. Географические координаты по GPS-приемнику: N–50°45'266", E–086°24'431"; высота над уровнем моря (по балтийской системе высот) – 665 м. С южной стороны к нему вплотную примыкал курган №36А, а с северо-западной – выкладка №33А (рис. 2–6). При разборке развала насыпи между объектами №36 и 36А обнаружены железный нож и фрагменты стенок керамического сосуда. Под насыпью зафиксирована крепида из рваных и окатанных камней. Крепида овальной в плане формы, длиной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры – 1,8 x 1,1 м. В крепиде (на глубине 0,25 м) зафиксирована могильная яма овальной формы, длиной осью ориентированная по линии северо-восток – юго-запад (рис. 6; 7). Длина ямы – 0,68 м, ширина – 0,51 м, глубина – 0,25 м. В восточной части ямы зачищена вертикально установленная каменная плита. Над плитой находились тазовые кости погребенного человека, к юго-западу от них в яме расположены кости ног (рис. 6–8). Кости левой ноги лежали в анатомическом порядке, кости правой – в правильной последовательности, но смещены. Кости рук, ребра, позвонки, лопатки и прочее отсутствовали. Длина ямы (0,68 м) явно не соответствовала предполагаемой длине костяка. Дальнейший выбор грунта в северо-восточном направлении выявил материк и четко показал, что продолжения ямы нет (рис. 6; 8). При зачистке под костями ног в области коленей были обнаружены кости черепа (рис. 8). Возраст погребенного – 14–16 лет, пол – женский (определение по черепу погребенной осуществлено к.и.н., заведующей кабинетом антропологии АлтГУ С.С. Тур). Предметы инвентаря в могиле не обнаружены.

Месторасположение и внешние признаки кургана №36 с «нестандартным» погребением никак не выделяют его из общего числа сооружений на могильнике: объект расположен в одном ряду с курганами №33 и 36А, содержащими «стандартные» погребения; насыпь сложена из такого же обычного рваного камня, как и насыпи остальных курганов.

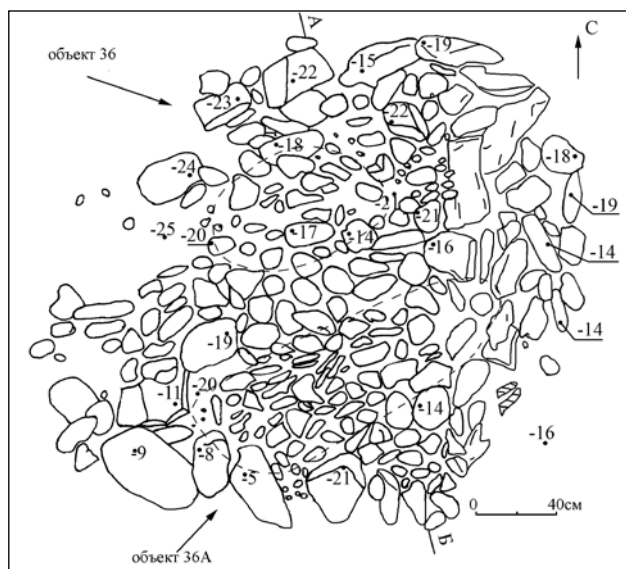

Рис. 2. Могильник Степушка-2. Курганы №36 и 36А. План насыпей

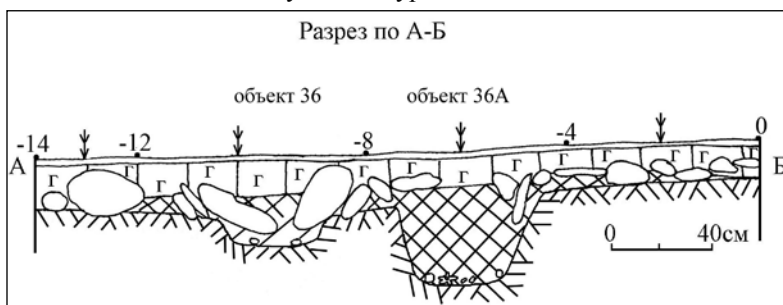

Рис. 3. Могильник Степушка-2. Курганы №36 и 36А. Разрез курганов по А-Б

Рис. 4. Могильник Степушка-2. Вид насыпи кургана №36 (очерчен по периметру) с СВ. Слева примыкает насыпь кургана №36А, справа – выбранная выкладка №33А

Рис. 5. Могильник Степушка-2. Вид насыпи кургана №36 с запада. Справа примыкает насыпь кургана №36А, слева – выбранная выкладка №33А

То есть по месту локализации объекта и внешнему виду надмогильного сооружения невозможно предположить какой-то особый социальный статус погребенного в кургане. Исходя из того, что подготовленная участниками похоронного процесса могильная яма изначально была значительно меньше, чем длина тела человека, нет сомнений в совершении парциального захоронения частично расчлененного тела девушки 14–16 лет: в яму сначала помещена уже отделенная от тела голова, а сверху положены слегка согнутые в коленях нижние конечности с тазом. Причем кости таза не вошли в могильную яму и, вероятно, выступали над ее краем. Остальные части тела в могилу не были помещены. После закрытия погребения построено небольшое каменное надмогильное сооружение.

Рис. 6. Могильник Степушка-2. Вид на расположение погребений курганов №36 (слева) и №36А (справа)

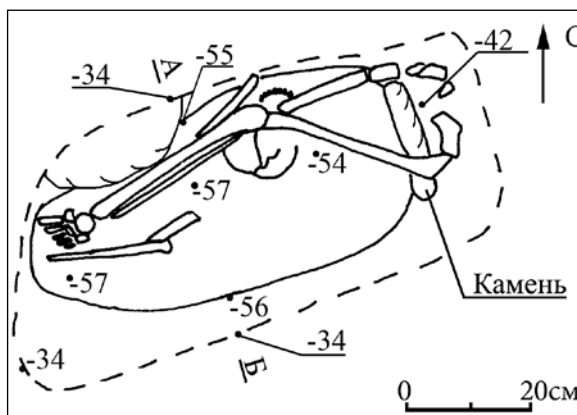

Рис. 7. Могильник Степушка-2. Курган №36. План погребения

Рис. 8. Могильник Степушка-2. Курган №36. Вид погребения сверху

Со временем насыпь кургана деформировалась из-за естественного смещения камней. В могиле произошли постепенное разложение предметов из органических материалов, а также распад мягких частей тела человека. В результате тафономических процессов кости головы и правой ноги умершей подверглись частичному разрушению и смещению, но кости левой ноги, в том числе мелкие части стопы, полностью сохранились в правильном положении. О том, что это захоронение парциальное, а не вторичное и совершено оно еще до разрушения связок, свидетельствует расположение костей нижней части посткраниального скелета в анатомическом порядке. О парциальности погребения однозначно говорит и тот факт, что концы бедренных костей и таз не вошли в могильную яму. В случае вторичного захоронения все кости находились бы в яме, поскольку ее размеры позволяли разместить не только найденные кости, но даже полный набор отдельных костей человека.

Судя по степени сохранности зафиксированных костей погребенной девушки, отсутствие части скелета нельзя объяснить естественной деструкцией. Наблюдения на разных по территориальной и хронологической принадлежности археологических памятниках позволили исследователям выделить несколько этапов в разложении костяка: сначала разлагаются самые мелкие кости, т.е. фаланги, кости запястья, пястные кости и кости стопы (при этом таранная и пяточная кости сохраняются лучше в сравнении с другими костями стопы); на втором этапе разрушаются лопатки, копчик, грудина, надколенник, ребра, наименее массивные позвонки и т.д.; в самом конце разлагаются диафизы длинных трубчатых костей, некоторые части тазовой кости и часть костей черепа [Зайцева, 2005]. Даже если допустить, что части скелета, которые не обнаружены в рассматриваемом погребении могильника Степушка-2, разрушились при тафономических процессах, то при любой динамике разложения костной ткани должны были разрушиться и мелкие кости ног как быстроразлагающиеся элементы костяка. Таким образом, наличие в публикуемом погребении отдельных наименее устойчивых к разложению мелких костей также свидетельствует о парциальности погребения.

На данном этапе исследования материалов погребения объекта №36 у нас нет однозначных ответов на вопросы: кого конкретно похоронили подобным образом и почему? Какие причины привели к реализации в погребальной практике частичного расчленения девушки 14–16 лет с последующим парциальным захоронением? Несмотря на то, что на могильниках Степушка-1 и 2 есть серия костяков с явными следами насильственной смерти [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 262; Соенов, 2011, л. 49], ритуальное расчленение тела в ходе каких-то военных столкновений нам кажется маловероятным из-за неподходящего пола, молодого возраста погребенной и отсутствия других подобных погребений. Версия о человеческом жертвоприношении тоже не имеет достаточных доказательств, поскольку публикуемое захоронение совершено на общем кладбище в одном ряду с обычными погребениями. Конечно, мы пока не исключаем связь парциальности погребения с особыми обстоятельствами смерти погребенной девушки или ее социальным статусом.

Возможно, «нестандартность» погребения связана с особым видом ритуала обезвреживания необычной покойной. На могильниках Алтая гунно-сарматского времени многие костяки парциальны, в том числе и детские. Обычно они не имеют костей ступней, часто вместе с нижними концами берцовых костей. Покойным, видимо, отрубали нижние части ног перед помещением в могилу. Истоки данного обряда связа-

ны с боязнью людей перед умершими, которые, по их представлениям, могли выйти из могилы и навредить живым. Эти случаи отрубания нижних частей ног перед захоронением, на наш взгляд, являются этнографической нормой в практике населения Алтая гунно-сарматского времени, а публикуемое «нестандартное» отсутствие костей туловища – дополнительный случай, связанный с особыми обстоятельствами.

Отличие этого погребения от других обезвреженных, скорее всего, кроется в необычайном страхе перед умершей. По представлениям древних, вероятно, покойная представляла наибольшую угрозу для населения, например, как имевшая при жизни какие-либо сверхъестественные способности или находившаяся в контакте с потусторонними силами. Это и могло определить подобный способ обращения с телом умершей. По нормам многих религий древности воскрешение покойника было невозможным в неполном физическом виде [Дмитриев, 2006, с. 53]. Соответственно, частичное расчленение тела девушки и парциальность погребения кургана №36 могильника Степушка-2, по представлениям участников похоронных действий, могли предотвратить нежелательное воскрешение покойной и, более того, навсегда лишали ее будущего воскрешения.

Конечно, более детальным изучением обнаруженных нами на могильнике Степушка-2 костных остатков должны заниматься соответствующие специалисты. Поэтому мы данной работой хотели бы привлечь внимание всех заинтересованных исследователей к публикуемому конкретному погребению и в целом к остальным костякам, способствующим не только реконструкции внешнего вида представителей древней популяции, но и лучшему пониманию их реальной культуры жизни, поскольку культура смерти и есть часть культуры жизни [Флиер, 2008]. Надеемся, что использование методов естественных наук (прежде всего медицины, криминалистики, физической антропологии и остеологии, тафономии, генетики), а также привлечение данных некрологии, фольклора, этнографии и прочего позволят разгадать данный частный случай и понять религиозно-мифологические представления древних алтайских обществ, обусловившие такие способы обращения с умершими.

Библиографический список

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М. : Высшая школа, 1980. 335 с.
- Атлас Алтайского края. М. : Комитет геодезии и картографии СССР, 1991. 36 с.
- Дмитриев С.В. Политическая культура тюркско-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе // Антропология власти. СПб. : СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 45–64.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации : дис. ... канд. ист. наук. Томск : ТГУ, 2004. 278 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/pogrebeniya-s-narushennoi-anatomicheskoi-tselostnostyu-kostyaka-metodika-issledovaniya-i-voz#ixzz3EJpNhiEe> (дата обращения: 26.09.2014).
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-1) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
- Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 15–26.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М. : Восточная литература, 1997. 279 с.
- Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011. 441 л. / Архивы НИЦ ИКТН ГАГУ и ИА РАН.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н.э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. Екатеринбург : Международный научный центр «Сфера общественных наук», 2014а. С. 99–101.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. М. : Институт стратегических исследований, 2014б. С. 95–97.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии Sarcophagidae в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014в. №1 (9). С. 61–73.

Соенов В.И., Трифанова С.В. «Нестандартное» парциальное погребение на некрополе Степушка-2 (Алтай) = “Non-standard” partial human burial in the Stepushka-2 necropolis (Altai) // Canadian Journal of Science, Education and Culture. Toronto : Toronto Press, 2014. №2 (6), (July – December). Vol. III. P. 470–475.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Военная ситуация на Алтае в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-1) // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М. : Институт археологии РАН, 2012. С. 30–31.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-1 в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-1) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 2013в. №231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребения сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-1) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-1 – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.

Флиер А.Я. Некультурные функции культуры (Очерки). М. : МГУКИ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/view/flier-aya-nekulturnye-funkcii-kultury-ocherki_3a17eeb1ab7.html (дата обращения: 26.09.2014).

V.I. Soenov, S.V. Trifanova

PARTIAL HUMAN BURIAL IN THE STEPUSHKA-2 NECROPOLIS OF HUN-SARMATIAN TIME

In autumn 2010 we excavated the «non-standard» human burial in the Stepushka-2 necropolis in the Central Altai. By using the analysis of the funeral rite and inventory, this grave dated to the second half of the 3th century – the first half of the 4th century AD. In a barrow in a small burial pit a female skeleton with the loss of anatomical integrity was discovered. The woman was 14–16 years old. The burial pit was less than length of the human body and a lot of the skeleton's bones were missing. The authors offer several possible explanations of unusual burial. The main explanation of this is ritual removal of some bones in a fear of the dead woman. It was a special ritual associated with the fear of malignant dead. This way of burial was aimed at neutralizing of the negative influence of the dead woman.

Keywords: Altai, archeology, Hun-Sarmatian time, necropolis, Stepushka-2, partial burial.